

6 июня 1735 г. Василий Никитич Татищев, после временной опалы вновь вернувшийся в Екатеринбург на должность начальника горных казённых заводов, представил в Санкт-Петербург на высочайшее рассмотрение и утверждение проект «Заводского устава», 7-я глава которого «О докторе медицины или берг-физики», состоявшая из 19-ти пунктов, была посвящена организации медицинского дела в управляемом Татищевым крае.

К тому времени в штате при заводах числились: доктор Джейкоб Гриф с жалованьем по контракту 600 руб., штаб-лекарь Эвергарт (Лаврентей) Сименс с жалованьем 219 руб., младший лекарь с жалованьем 197 руб. 10 коп., намечалось иметь двух подмастерьев (на жалованье обоим – 360 руб.). 5 учеников – один, видимо, подмастерье с жалованьем 48 руб., на будущее требовалось два (на обоих 96 руб.); два ученика (на обоих – 36 руб., в будущем предполагалось тратить 48 руб.); двое учеников с окладом по 12 руб. В госпиталь работников и работниц 4 человека (34 руб., в будущем – 30), на лекарства из «вычетных» из жалованья – 400 руб., в будущем – 200 руб. В штат был введен аптекарь Генрих Тамм с жалованьем по контракту 96 руб., предполагалось в будущем давать 180 руб., при аптекаре числились 2 ученика (жалованье на двоих 36 руб. с увеличением до 66-ти).

Тем самым, вернувшись, Татищев впервые привез на Урал настоящего доктора, еще одного лекаря, аптекаря, ввел их в штат, но намечал найти еще одного лекаря, увеличить число учеников, обучаемых лекарскому делу, чтобы вырастить достойную смену лекарям-иностранцам из русской молодежи.

Иное дело, что мечты были зачастую далеки от реальности: тот же англичанин Джейкоб Гриф получал огромные деньги, но, как только В.Н. Татищев получил новое назначение в 1737 г., уехал с ним же в Самару (лечить генерала намного приятнее, чем руководить неухоженным госпиталем, общаться с больными, заводскими служителями и слабо подготовленными учениками). Лекарь Л. Сименс не имел солидного опыта. Прельщенный высокой оплатой, он направился на Урал, но, попав из столицы в необжитый край и лишившись помощи от доктора, быстро засобирался домой. По контракту время службы Сименса истекало 29 марта 1738 г. Указ Татищева об отпуске Сименса в Петербург от 31 декабря 1737 г. был получен в Екатеринбурге 11 января 1738 г. Его сменил Иоганн Христофор Шнезе.

После прибытия и начала работы в Екатеринбурге к аптекарю Г. Тамму не было нареканий, но уже в 1736 г. Д. Гриф, указал, что «аптекарь Тамм многие вещи из аптеки продает, а особливо для нужды привезенные спиртус и водку французскую продает чарками, а прежде продал в Тобольске пластыря немалое число», а в жалобе его ученика Н. Казанцева отмечалось, что он делу «не обучает, всегда всячески безвинно бьет, служителя у него нет, поэтому принуждает за скотом и лошадьми ходить». В.Н. Татищев 27 февраля 1737 г. в доношении в столицу дал ему отрицательную характеристику. Г. Тамм же всеми силами стремился остаться в Екатеринбурге, в итоге очень ненадолго был оставлен при аптекарских и бухгалтерских делах с жалованьем 180 руб. в

год, отправился в Ригу в сентябре 1737 г. Место аптекаря после Г. Тамма занял прибывший с Олонецких заводов бергмейстер Л. Мендерс.

И все же «Заводской устав» фактически заложил основы медицинского и аптекарского дела как в Екатеринбурге, так и в целом на Урале. В первом пункте гл. 7 Татищев определил круг лиц, подконтрольных доктору: «Его власти подлежат лекари, аптекари, пробователи с их учениками, работниками и прочими притом служители». Доктор должен был подбирать лиц, способных исполнять эти должности, и представлять для назначения в Главное заводов правление, «над ними прилежно надзирать». Несколько пунктов (пп. 2-6), посвящались контролю доктора за новым учреждением – аптекой. Он обязывался следить, чтобы аптека располагалась в строении, удобном к приготовлению и хранению лекарств, имела «покоев без скудости», «сосудов, инструментов и машин без недостатка». Все содержимое аптеки подлежало строгому учету в обстоятельной росписи «по алфавиту», один экземпляр которой хранил аптекарь, другой – доктор. Требовалось отмечать убыль, прибыль предметов с указанием, когда, от кого получено, по какой цене.

Для лучшего сбережения содержимого аптеки предписывалось даже «в Екатеринске дом каменный построить, чтоб от пожара был безопасен» (п. 2). Доктору вверялся контроль за приготовлением лекарств, чтоб аптекарь составлял их «из написанных в рецепте вещей и никогда б одно за другое по своему мнению не клал», в случае замены или сомнения советовался с доктором. Доктору вверялся и контроль за отпускной ценой лекарств, чтоб аптекарь не брал лишнее и безденежно не отпускал (п. 3), полагалось ежегодно весной сочинять «каталог, какие травы, корни и прочия материалы в тамошних местах находятся, в которые времена что собирать», дабы уменьшить заказ привозных лекарств; «к тому способных травников и других служителей содержать».

Примечательно указание Татищева: «ежели что чрезвычайно полезное изобретет, в Медицинскую Коллегию писать». «Особливый каталог» полагалось составлять и в отношении отсутствующих лекарств и материалов, подавать его заблаговременно в Канцелярию для заказа в главную столичную аптеку или выписывания через купцов из других мест; избегая пользования частными аптеками, «кроме крайней нужды» (п. 4). Требовалось «обретающимся лекарствам обстоятельный каталог иметь и оным настоящую цену положить», причем так, чтобы чрезмерно не отягчить пользователей лекарств и аптеке не нанести убытка.

Любопытно указание Татищева: «в рецептах смотреть, чтоб убогим людям, колико возможно, дорогих лекарств не писать, а смотреть токмо, чтоб надлежащее действо быть могло; ибо богатым многократно токмо для приятнаго вкуса или обоняния дорогая вещи кладутся, которыхя ему заплатить не трудно» (п. 5).

Специальный пункт «Об отпуске лекарств на другие заводы» устанавливал правила их рассылки из аптеки Екатеринбурга. При этом требовалось в посылаемых при том каталогах «назначивать, из чего или по которому рецепту оные составляваны», а где лекари неблагонадежны и от

доктора отдалены, указывать, при какой болезни, сколько и когда конкретное лекарство употреблять, как его хранить. Примечательно рассуждение Татищева: «многократно одного имени лекарства составляются из разных материй и разную силу имеют», при полках лекари «от неискуства» часто вместо пользы вред наносят.

И здесь мы видим позицию Татищева как государственника, достойного представителя века Просвещения. От имени верховной власти он вставляет в этот конкретный пункт положение российского масштаба: «того ради повелели Мы Нашей Медицинской Коллегии, дабы избежания такого вреда, напечатать книгу на Русском и Немецком языке, сначала хотя о тех лекарствах, кои обыкновенно в полки даются, и оныя книги разослать по всем полкам и Аптекам, дабы впредь неведением не погрешали, а наипаче чтоб Русские ученики лекарские, незнающие других языков, от чтения неколико обучаться могли». В этих строках звучит забота Татищева о пропаганде медицинских знаний среди лекарей полков – самой большой группе медицинских работников того времени в России – и о повышении квалификации первых аптекарей, появившихся в провинции, и о русских учениках, обучавшихся лекарскому и аптекарскому искусству.

В обязанности доктора входил контроль за лечением работников заводов в госпитале. Всем получающим жалованье при заводах и имеющим вычеты из него на содержание госпиталя (по 1 коп. с рубля) лекарства полагалось давать бесплатно. Доктору необходимо было иметь от заводского правления «роспись» таких людей; в случае их болезни начальник должен был прислать больного в госпиталь при рапорте, а лекарь «иметь записку, кто сколько дней какою болезнию скорбел и что лекарств ему издержано» (п. 7). Но из этого числа исключались те, «кто самовольно болезнь себе приключают, яко от пьянства, драки и другаго сквернодеяния», они должны были платить как за лекарства, так и за лечение, при этом лишаться жалованья как за прогул.

Исключение разрешалось делать для ремесленников, не имеющих средств для оплаты. О них полагалось подать ведомость в Правление о сумме, истраченной на лекарства, если имелась возможность, вычитать ее постепенно из жалованья; в противном случае – «для страха и другим, учинить наказание» (п. 8).

Три следующих пункта (9-11) посвящались содержанию богадельни, где полагалось лечить «подлых и убогих ремесленников, работников, солдат и тому подобных за беспокойством в их домах и их недостатком» и для удобства лекарей. Здесь предписывалось иметь разные покои, заразных больных и «от безумия опасных» содержать отдельно, как и определенных «за дряхлостию. и старостию»; зимой «довольно топить», на случай ночных происшествий иметь лампаду; каждому больному иметь свою постель, одежду «у неимущих почасту перебивать и переменять», немощным помогать. Полезную пищу и питье определять в назначенное время из домов, с торгу, но «без ведома доктора ничего им пить и есть не допускать». Для этого быть надзирателю, поварам, нескольким работникам и работницам.

Без разрешения служителей больных запрещалось выпускать за территорию, доктор обязывался осматривать их каждое утро и вечер, дополнительно – «в чрезвычайном случае»; «лекари же и их ученики, по одному всегда во оной быть и иметь записку, в котором больном какую перемену усмотрят и о том доктору репортовать». Всем больным предписывалось «обстоятельную дневальную записку содержать». О вылечившихся подавать их начальству «письменное известие». О случаях чрезвычайных предлагалось сообщать Главному правлению, а также в Медицинскую коллегия и Академию наук «при надлежащем помесечно репортовать» (п. 9-10).

В п. 11 расписывался порядок сбора подаяний на лечение и пропитание неимущих. Запрещалось давать деньги кому-либо персонально во избежание распрей; при каждой богадельне полагалось иметь особую «скрыню», куда каждый желающий мог положить милостыню; подобные «скрины» полагалось иметь «прикованные» и в других местах, где часто собираются люди, и в церквях, доктору принимать эти средства и ссыпать в «скрыню» при богадельне, ежемесячно рапортуя о сборе Главному правлению.

Следующие два пункта определяли обязанности доктора по контролю за операциями, проводимыми лекарями, и контролю за тем, как лекари и аптекари обучали своих учеников. Если предстояла опасная операция, например, какой-то «член отрезать», доктор должен был по призыву лекаря «поспешить», рассмотреть все обстоятельства, найти лучшее решение и самому наблюдать ход операции; следить, чтоб потом «пластыри прикладывали надлежащие и переменили с бережью» (п. 12). Именно доктор обязывался контролировать, чтобы лекари и аптекари «данных им учеников прилежно обучали, верно и внятно все показывали», привлекали для помощи в проведении операций, «иногда б и самих действовать допущали».

Татищев ввел в Заводской устав положение о том, как лучше обучать анатомии: «наилучше при анатомии животных в зимнее время их обучать, и члены внутренние, наипаче же мускулы, тенденды, жилы всех родов и проч., им внятно и безскрытно показывать». Доктору полагалось смотреть, чтобы учеников обучали «честно, а не за работников простых употребляли; но честным и смелым поступкам и обхождению приводили, а от грубых и непотребных обычаев отвращали, и по крайней возможности удерживали; в наказании с ними умеренно поступали, а злодеяния и злости никогда не пропусали».

Доктор должен был свидетельствовать приобретенные лекарские и аптекарские познания, «в степенях» их повышать и представлять Главному Правлению о повышении им жалованья (п. 13). В п. 14-17 расписывались обязанности доктора как главы пробирной лаборатории. Согласно п. 18 доктору вверялся надзор «при всех заводах аптек, богаделен, лабораторий и поступков всех его подвластных: яко лекарей, аптекарей, пробователей и надзирателей богаделен». Поэтому он обязывался дальние заводы посетить хотя бы раз в год, на ближние «так часто, как возможно и потребно ездить свидетельствовать», недостатки и погрешности исправлять, давать

наставления, «преступивших должность наказывать, смирить и к надлежащему принудить». От имени верховной власти доктор жаловался рангом, как и прочие при армии, ординарного доктора медицины с оговоркой, если Академия наук «усмотрит» его труд и прилежность, то может удостоить его особого награждения и принять в свои члены (п. 19).

Хотя Заводской устав не стал законом – он не был апробирован верховной властью – его нормы, касающиеся отдельных членов коронной администрации, были претворены в жизнь в качестве инструкций. Действовали и положения, касающиеся медицинской службы: доктор являлся главой медицинской службы, выполнял свои обязанности по контролю за лекарями, аптекарем, учениками, составлял каталог местных трав, списки лекарств, заказываемых в центр, контролировал их изготовление аптекарем, рассылку по заводам и т. д.

И после отъезда доктора Грифа в Самару вместе с Татищевым в июне 1735 г. основы организации медицинской службы, заложенные Татищевым, сохранялись еще долгие годы. Таким образом, благодаря В.Н. Татищеву, медицинская служба на Урале получила документ, регламентировавший основы ее организации в Екатеринбурге.

(Ист.: Сафронова А.М. В. Н. Татищев – организатор медицинской службы в Екатеринбурге // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 51-70; Копырина С.Н. Социальная инфраструктура поселков казенных заводов Урала в 20–50-е гг. XVIII в.: Дисс ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2023.)